

Весьма ценным представляется то обстоятельство, что в книге наряду с тщательным описанием современной обрядности северокавказской семьи предлагается ее типологическая классификация. При этом критически осмысливаются сохраняющиеся негативные стороны свадебного и похоронного обрядов и в то же время некоторые обрядовые инновации, не способствующие совершенствованию современного быта. Здесь также имеются теоретически важные разработки: таковы, например, выделенные автором «полутрадиционные обряды» в современных обрядовых циклах, на что уже обращалось внимание на страницах «Советской этнографии»².

Как и всякая большая работа, поднимающая ряд взаимосвязанных вопросов, книга Я. С. Смирновой не свободна от отдельных пробелов и недостатков. В частности, хотелось бы пожелать, чтобы некоторые рассматриваемые в ней вопросы получили свою дальнейшую разработку. Это относится, например, к выделению переходных типов семьи от большой к малой. Автор вслед за Д. А. Ольдерогге обращает внимание на распадное состояние, в котором может находиться большесемейная организация, однако не предлагает критериев типологизации переходных форм семьи, что ослабляет выдвинутую идею. Точно так же хотелось бы дальнейшего развития мысли об отсутствии качественных, социально-экономических различий между соседско-общинной и патронимической организацией: в таком сжатом виде, в каком изложено это положение, оно представляется недостаточно убедительным. Равным образом не аргументирован сколько-нибудь развернуто тезис о том, что патронимическая тамга не является доказательством существования в прошлом общепатронимической собственности на скот. Можно пожалеть, что такой интересный показатель, как индекс эндогамности браков, рассчитан на материалах народов только Карачаево-Черкесии, а не всех автономных республик и областей Северного Кавказа. Среди статистических источников почти не использован такой, как посемейные списки.

Эти замечания не меняют общей очень высокой оценки рецензируемой книги. Монография Я. С. Смирновой, несомненно, отражает современное состояние историко-этнографической науки по проблемам семьи и уровень изученности семьи у народов Северного Кавказа, вводит в научный оборот обширный новый полевой и архивный материал, содержит интересные новые теоретические обобщения и аргументированную новую трактовку ряда историко-культурных явлений. В целом перед нами капитальное этнорегиональное исследование северокавказской семьи и ее быта, которое займет достойное и прочное место в этнографическом кавказоведении.

Е. Н. Данилова

² См.: Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза. — Сов. этнография, 1982, № 6.

З. П. Соколова. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.

Монография состоит из введения, трех глав (из которых первые две посвящены фратриальному устройству общества хантов и манси, а последняя — третья, проблеме рода у этих народов) и заключения. Сразу же отметим, что социальной организации обских угров в советской литературе посвящено немало работ, среди которых прежде всего следует назвать труды С. В. Бахрушина, Н. Н. Степанова, В. Н. Чернецова, З. Я. Бояршиновой. Но работа З. П. Соколовой, которая в значительной степени подводит итог ее предшествующим исследованиям в этой области, в ряде отношений выгодно от них отличается. И дело не только в том, что автор кроме литературных источников использует данные своих собственных полевых исследований. З. П. Соколовой удалось выявить и ввести в научный оборот новые материалы, которые позволили ей проследить историю социальной организации хантов и манси на протяжении более чем двух столетий. Раньше эти материалы никогда и никем в таком масштабе не использовались. Это — хранящиеся в архиве г. Тобольска церковные метрические книги (фонды Тобольской духовной консистории и районных загсов Тюменской области). З. П. Соколовой удалось заставить заговорить содержащиеся в них записи о браках и исповедные духовные росписи. Кроме этого основного материала, она использовала также ревизские переписи и ясачные книги.

З. П. Соколова проделала поистине титаническую работу по классификации и подсчету сведений о более чем 24 тыс. браков хантов и манси (по всей территории их расселения, охватывающей 4 уезда, 51 волость, более 300 селений) и свыше 2,5 тыс. фамилий хантов и манси за период с 1743 по 1900 г., а по некоторым волостям по 1912 г., что само по себе представляет большую ценность.

Все эти данные содержатся в обширном приложении к книге, носящем название «Фамильный, численный и брачный состав населения по отдельным волостям и уездам в XVIII—XIX вв.» (с. 167—316). В книгу вошли далеко не все таблицы, выполненные автором. Значительное их число содержится в депонированной монографии З. П. Соколовой¹. Депонированная монография, а также таблицы, приложенные к рецензируемой

¹ Соколова З. П. Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в XVIII — начале XX в.: (Материалы) АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Рукопись деп. ИНИОН АН СССР, № 3515.

книге, составляют прочную фактологическую базу, на которой З. П. Соколова строит свою работу.

Ей удалось раскрыть механизм действия дуально-фратриальной экзогамии, степень ее распространения в разные хронологические периоды (XVIII в., первая половина XIX в., вторая половина XIX в. и начало XX в.), дать характеристику дуально-экзогамных групп, их численность, выявить фратриальный состав селений и проживающих в них семей, а также фратриальную принадлежность каждой фамилии на протяжении двухсот с лишним лет.

Все эти данные позволили неопровержимо доказать, что в прошлом все ханты и манси делились на две фратрии, а браки заключали по правилам дуальной экзогамии, которая постепенно ослабевала. Так, если во второй половине XVIII в. нарушений дуальной экзогамии составляли у всех групп обских угров в среднем 18%, то в первой половине XIX в.— 23%, во второй половине XIX в.— 27%, а в начале XX в.— 39% (с. 100). В некоторых районах у представителей отдельных групп обских угров в конце XIX — начале XX в. дуальная экзогамия практически исчезла.

Не ограничиваясь статистическими данными, З. П. Соколова во второй главе дает глубокую и содержательную характеристику дуальной организации хантов и манси. Она отмечает такие присущие, по ее мнению, этой организации черты, как сознание кровного родства, происхождение от общего предка, фратриальное имя. Она фиксирует наличие культа тотемических предков, хранителей фратриального культа, соблюдение тайны обрядов и священных мифов, раздельность культовых мест, существование фратриальных центров и фратриальных праздников. Очень интересны, на наш взгляд, приводимые в книге сведения о преданиях, в которых рассказывалось о различии между членами разных фратрий, о бывших сражениях между ними, о вражде духов-покровителей фратрий (с. 105—106, 116). Полемизуя с рядом авторов, З. П. Соколова, по нашему мнению, весьма убедительно доказывает древнейший, архаичный характер дуально-фратриального устройства обско-угорского общества.

Третья глава книги посвящена, как уже указывалось, проблеме рода у хантов и манси. Основной вывод, к которому приходит З. П. Соколова, состоит в том, что при развитой дуально-фратриальной организации у обских угров в XVIII—XIX вв. отсутствовали роды. По ее мнению, развитию рода у хантов и манси помешало чрезвычайно длительное сохранение у них дуальной экзогамии. А к тому времени, когда дуальная экзогамия наконец ослабела, род уже не мог возникнуть в силу социально-экономических причин: началось разложение первобытнообщинного строя (с. 126). Однако автор не исключает возможность и того, что род у обских угров существовал в более раннее время, а к XVIII—XIX вв. исчез (с. 160, 163).

Автор, конечно, вправе придерживаться своей точки зрения, но нам она представляется не в достаточной степени обоснованной. По нашему мнению, весь приводимый в главе богатый и разнообразный материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что род у хантов и манси существовал, причем не когда-то в далеком прошлом, а в XVIII—XIX вв.

З. П. Соколова в данной главе много внимания уделяет объединению, которое она сама именует «генеалогической группой». По крайней мере часть этих «генеалогических групп» имела тотем и члены их называли себя по имени своего тотема (народ филина, народ орла и т. п., с. 135). «Первоначально такая группа,— пишет автор,— была тесно связана с этим тотемом: она носила его имя, вела свое происхождение от него, не должна была убивать и есть это животное или птицу, всей группой почитала его изображение в священном месте» (с. 135). Другая часть «генеалогических групп» называлась по имени предка-богатыря (с. 127).

Вполне понятно, что такая «генеалогическая группа» была экзогамной, точнее агамной. Половые связи внутри нее были невозможны. Первоначально эти группы были локализованными (с. 164), т. е. ядро каждой из них жило в одном селении. Как явствует из сказанного, «генеалогические группы» хантов и манси представляли собой не что иное, как настоящие роды, причем часть этих родов имела очень древнее происхождение, о чем свидетельствует наличие у них тотема.

Соколова «генеалогическую группу» не считает родом, т. к. та «не обладала собственной экзогамией, ее члены вступали в брак по правилам дуальной экзогамии» (с. 164). Точнее можно было бы сказать что экзогамия «генеалогической группы» была производной от экзогамии фратрии, в состав которой она входила, подразделением которой она являлась. Но такое положение далеко не уникально.

Везде, где сохранялась экзогамия фратрии, экзогамия рода была производной от экзогамии фратрии. Так было в Австралии и в Меланезии. И наличие дуальной экзогамии ни в малейшей степени не препятствовало существованию рода в качестве определенной социальной единицы. Иначе пришлось бы признать, что родов не было ни у австралийцев, ни у меланезийцев, ни у многих других народов.

Косвенно возможность существования рода при наличии фратриальной экзогамии признает и сама З. П. Соколова. Ведь она сама допускает, что род у хантов и манси мог в прошлом существовать. Одновременно же она настаивает на том, что дуальная экзогамия была у них в прошлом повсеместно распространенным явлением. Но это означает, что, по ее мнению, дуальная экзогамия в принципе вполне может сосуществовать с подразделением фратрий на роды.

Одна из причин, которая, по-видимому, привела З. П. Соколову к заключению об отсутствии у обских угров рода, состоит в том, что за классический образец рода она принимает описанный Л.-Г. Морганом ирокезский род. Отсутствие у рода хантов и манси ряда признаков, присущих ирокезскому роду, а также наличие у обских угров ду-

альной экзогамии, которая давно уже исчезла у ирокезов, и привели ее к рассмотренному выше выводу.

Однако нет никаких оснований принимать ирокезский род за эталон рода. Главный признак рода — экзогамия, точнее, агамия, а раннего рода — и наличие тотема. Даже такой признак, как вера в происхождение от общего предка, не является обязательным для рода. Предковый род — явление сравнительно позднее. Первоначально тотем не считался предком. Просто все члены рода были убеждены, что все они — особи тотемного вида, а все животные тотемного вида являются членами рода. Вера в тождество плоти и крови членов рода и животных тотемного вида, а не в происхождение первых от последних — суть первоначального тотемизма.

В качестве еще одного признака, отличающего «генеалогическую группу» обских угров от рода, З. П. Соколова указывает на ее «нечеткость и аморфность» (с. 151). Но в этом нет ничего удивительного. Общество обских угров XVIII—XIX вв. было уже не подлинным первобытным, а предклассовым, т. е. переходным от первобытного общества к классовому. Об этом свидетельствует происходивший в этом обществе процесс формирования территориально-соседской общины (с. 157). З. П. Соколова совершенно права, выступая против тезиса о существовании у хантов и манси феодальных отношений (с. 4, 147). Однако существование у них зачаточных форм эксплуатации несомненно (с. 149, 150). Все это, естественно, не могло не сказаться на роде.

Все сказанное, разумеется ни в малейшей степени не снижает общей высокой оценки рецензируемой книги. Она представляет собой новаторское, оригинальное исследование, вводящее в научный оборот огромный массив нового материала. Монография З. П. Соколовой несомненно представляет существенный вклад в этнографическую науку. Было бы крайне желательным, чтобы З. П. Соколова продолжила свои исследования, детально рассмотрев этнографические и территориальные группы обских угров, соседскую общину, семью, имущественную дифференциацию и зачатки эксплуатации у хантов и манси в XVIII—XIX вв.

Ю. И. Семенов

Ildiko Lehtinen. Naisten Korut. Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki, 1979. 209 с.

В Финском Национальном музее (г. Хельсинки) хранятся богатые коллекции по этнографии различных народов. Особенно широко представлены материалы по финно-уграм. В последние годы вышли интересные публикации этих музейных собраний¹. В их подготовке наряду с другими сотрудниками музея принимала участие Ильдико Лехтинен. В 1979 г. была издана ее монография, итог многолетних исследований, — «Женские украшения в Центральной России и Западной Сибири».

Книга состоит из введения и пяти глав. В ней дается общая характеристика украшений, их типов и материалов, из которых они изготовлялись, а также описываются украшения обских угров (хантов и манси), удмуртов, марийцев, чуваш, мордвы и мецеры. При этом автор широко привлекает для сравнения данные по казанским татарам и башкирам.

Основными источниками исследования послужили материалы Финского Национального музея г. Хельсинки (Suomen Kansallismuseo), коллекции одежды и украшений XVIII — начала XX в. и фотоархив. И. Лехтинен привлекла и литературные данные, а также материалы музеев нашей страны — Москвы, Ленинграда, Тарту.

Во введении дана краткая справка о расселении рассматриваемых в книге финно-угорских народов, их истории, об их взаимоотношениях с соседями, общих закономерностях развития женской одежды и украшений (с. 8—9). Здесь же (с. 7—10) автор рассматривает некоторые общие вопросы, касающиеся эволюции украшений. Согласно ее меткому определению, украшения — это своего рода паспорт народа: они дополняют костюм, часто подчеркивают особенности национального характера. Исследовательница неоднократно отмечает взаимосвязь украшений с одеждой и головными уборами, прической.

Характер, качество и число украшений зависели от возраста, звания, экономического и социального положения людей. И. Лехтинен подчеркивает, что вышивка на одежде и украшения, как правило, дополняли друг друга: если вышивки было много, то украшений — мало, и наоборот (в качестве примера она приводит рубашки луговых и горных марийцев).

Отмеченное ею сходство в типах одежды и украшений, их названий у разноязычного населения Центральной России и Западной Сибири она объясняет общими экологическими и историческими условиями, а также этническими связями финно-угорских, тюркоязычных и русского народов (с. 8). Отмечая близость украшений разных финно-угорских народов, автор совершенно правильно объясняет ее общностью их происхождения; когда же она говорит об общем покрое и типе рубахи-платья финно-угров (см. схему 2, с. 48, 202), то причину такого единообразия видит почему-то только в экологии.

¹ См. например, последние издания: *Istvan Racz. Suomalais-Ugrilaista kansantaidetta. Keuruu, 1977; Iso Karhu. Arkistokuvia etäisten kielisukulaistemme asuinsijoilta. Lahti, 1980.*